

натки, где будет ход вниз) устроить ход на веранду...»⁹ Весьма вероятно, что «ход вниз», о котором идет речь, и есть место той потайной лестницы, о которой напоминал в своем письме сын писателя.

Говоря об особенностях изображения пейзажа у Достоевского, Н. М. Чирков отмечает, что «в романах Достоевского позднейшей поры <...> характерно для Достоевского подчеркиваемое повторение черт внешней обстановки, перемешено контрастирующих и гармонирующих с сюжетным развитием романа. Действие контраста и соответствия повышается благодаря сопоставлению его с мотивом необычности».¹⁰ Отмеченная здесь роль «мотива необычности» присутствует и в описании жилища Федора Павловича Карамазова. В романе дом его «стоял далеко не в самом центре города, но и не совсем на окраине. Был он довольно ветх, но паружность имел приятную» (14, 85). Противопоставления дополняются контрастной окраской дома и крыши. Вызываемое всем этим впечатление какой-то беспорядочности усиливается включением такой необычной детали интерьера, как «разные чуланчики, разные прятки и неожиданные лесенки». В романе это впечатление увязывается с чертами характера владельца дома. Кстати, следует отметить, что на самом деле разного рода кладовок в доме было не так уж много, а потайная лестница — всего одна.

В доме Достоевского имелись и другие реалии, использованные в романе. Можно упомянуть о ширмочках, о которых говорит Н. И. Румянцев в другом письме к А. Г. Достоевской.¹¹ В романе красные «китайские» ширмочки, стоящие в спальне старика Карамазова, привлекают внимание Дмитрия, подкравшегося к окну (14, 353). Н. М. Чирков обращает внимание на красный цвет этих ширмочек, который вместе с красной повязкой на голове Федора Павловича, красным цветом ягод на кусте, освещенном светом, падающим из окна, усиливает ощущение приближающегося рокового события.¹² Мы видим, что предметы повседневного обихода, окружающие писателя, обретают в творческой фантазии гениального романиста свою вторую жизнь, становясь неотъемлемыми элементами его художественного мира.

ПОЛЕМИКА

1. Письмо в редакцию

В 24-м томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского имеется заметка следующего содержания: «Предсказание. Фарисей. „Олопецкие губернские ведомости“» (24, 131). В коммис-

⁹ Там же, № 30241, л. 129 (письмо от 7 октября 1898 г.).

¹⁰ Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М., 1963, с. 90—91.

¹¹ Он писал, что при отделке помещения «чрезвычайно трудно подделываться под старое. Ширмочки около двери вышли как-то уродливо очень» (ИРЛИ, ф. 100, № 30241, л. 262. — Письмо от 9 апреля 1899 г.).

¹² Чирков Н. М. О стиле Достоевского, с. 120.

тарии к этой записи высказывается предположение, что «заметка, возможно, вызвана помещенной в „Олопецких губернских ведомостях“ (1876, 28 января, № 7, стр. 76—77) статьей „Освящение церкви в Горском приходе, Олопецкого уезда (из корреспонденции г-д учителей Г. Туманова и И. Миролубова)“. Статья наполнена лестью по адресу епископа Олопецкого и Петрозаводского Ионафана, чьи именины, пришедшиеся на день освящения церкви, отмечались праздничным обедом после богослужения» (24, 134).

Есть основания полагать, что справедлив комментарий к этой заметке, принадлежащей Г. М. Фридендеру. Позвольте его процитировать: «Заметка, вероятно, вызвана помещенной в „Олопецких губернских ведомостях“, 1876, 31 января, № 8, стр. 85—87, „воззванием о пожертвованиях на сооружение часовни над могилой Фаддея блаженного“, где описывается жизнь почитаемого местной церковью блаженного Фаддея, жившего при Петре I и, по повелению царя, находившегося под полицейским надзором».¹

В самом деле, слово «Предсказание» относится к последующим «Фарисей. „Олопецкие губернские ведомости“, поскольку они были вписаны Достоевским на полях как одна заметка: «Предсказание. — ведомости. вписано на полях» (24, 131). О предсказании же речь идет именно в «Воззвании». Важно и то обстоятельство, что здесь говорится о предсказании смерти Петру Великому. Известно, с каким вниманием относился писатель к личности Петра.

Пометка «Фарисей» вполне подходит к облику олопецкого юродивого в церковном варианте предания о Фаддее, впервые записанном петрозаводским автором XVIII столетия Т. В. Баландиным.² В течение XIX и начала XX столетий в Петрозаводске создается целый ряд интерпретаций образа Фаддея, начиная со стихотворения Ф. Глинки,³ знакомого с Т. В. Баландиным. Опираясь на литературный вариант образа, церковники создают канонический лик «святого апостола Фаддея»⁴ для своих пужд борьбы с расколом. Только жизнеописание этого «святого», попав на глаза Достоевскому, могло вызвать соответствующую запись. Что касается статьи «Освящение церкви в Горском приходе», то она действительно наполнена «лестью по адресу епископа Олопецкого и Петрозаводского Ионафана», но фарисейство и лесть понятия не равнозначные.

Принимая Ваш комментарий, на мой взгляд, нужно уточнить его формулировку, добавив два-три слова. Допустим, не «по

¹ Лит. наследство, 1971, т. 83, с. 495.

² Баландин Т. В. Петрозаводские северные вечерние беседы. — Олопецкие губернские ведомости, 1866—1867.

³ Опубликовано В. Г. Базановым (см.: Базанов В. Карельские поэмы Федора Глинки. Петрозаводск, 1945, с. 92—93).

⁴ ЦГА КАСР. Летопись о Петрозаводском кафедральном соборе. — Ф. 593, оп. 3, д. 1/2, с. 85.

повелению царя находившегося под полицейским надзором», а — согласно легенде, по повелению царя взятого под стражу. Дело в том, что в легенде, записанной из устного источника в Петрозаводске в 60-х гг. прошлого столетия Е. В. Барсовым, прямо говорится об аресте, а не о надзоре.⁵ Кроме того, к уточнению комментария склоняет текст письма Петра Великого ландрату Петрозаводска, в котором нет упоминания о надзоре или аресте: «А. Муравьев. Здешний мужик, которого зовут Фаддеем, стар и кажетца умалишенец живет в лесу: приходит и в деревню, которого зде за чудо имеют, а худобы и расколу не сотказывают. Того ради дабы не было блязни велел я его к вам на заводы отвезть дабы там его кормит до смерти его».⁶

Более подробно о Фаддее говорилось в докладе на конференции по истории культуры и литературы Древней Руси.⁷

В. В. Иванов.

2. Ответ оппоненту

Редакция сборника любезно предоставила мне возможность ознакомиться с замечаниями В. В. Иванова на комментарий к записной тетради 1875—1876 гг. и привести, как автору осмариваемых изменений, свои доводы в их обоснование. Собственно говоря, вся необходимая аргументация содержится в самом примечании, цитату из которого мой оппонент обрывает как раз в том месте, где копчается формально-информативная часть (дата газеты, название статьи, резюме содержания) и начинается пояснительная. Здесь поэтому целесообразно показать тот ход рассуждений, который привел меня к выводу, отличному от сделанного ранее Г. М. Фридендером, первым комментатором тетради.

Примечание, напечатанное в «Литературном наследстве» (т. 83), не давало, как мне представлялось, ответа на два вопроса, вызываемых записью в тетради: во-первых, почему и каким путем попала в руки Достоевского провинциальная газета, к которой он ни в предшествующие годы, ни впоследствии, насколько известно, не обращался? во-вторых, что именно в указанной Г. М. Фридендером статье могло составить у Достоевского впечатление о Фаддее-блаженном как о фарисее?

Просмотром «Олонецких губернских ведомостей» с января по конец марта 1876 г. было установлено, что за эти месяцы в них

⁵ Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края. М., 1872, с. 12. Так же трактуется у Т. В. Баландина. См.: Петрозаводские северные вечерние беседы. — Олонецкие губернские ведомости, 1866, № 36.

⁶ Правдин М. Из прошлого Олонецкого края: Материалы по истории Олонецкого края А. П. Воронова. — Изв. О-ва изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914, т. 4, № 6—7, с. 126.

⁷ Изложение доклада см.: Рождественская М. В. Конференция в Петрозаводске, посвященная истории литературы и культуры Древней Руси. — Рус. лит., 1982, № 4, с. 241.

дважды (28 января, № 7, с. 79, и 25 февраля, № 14, с. 154) печаталось объявление о «Дневнике писателя». Мы не знаем, как отчитывались в 1870-х гг. редакторы газет перед рекламодателями, но логично предположить, что самым надежным и удобным способом, особенно со стороны провинциального издания, была бы присылка помера, в котором помещено объявление. Так ли обстояло дело с Достоевским, или он — а еще вероятнее, Анна Григорьевна — как-то иначе осуществлял контроль, но было найдено пока единственное правдоподобное, хотя, разумеется, гипотетическое объяснение того, по какой причине в сфере внимания писателя могла бы оказаться эта газета, причем не комплект, а лишь (и такое ограничение очень убедительно) два конкретных выпуска.

В этом смысле не случайным было сочтено то обстоятельство, что из двух появившихся в эти месяцы статей, которые могли бы дать повод для комментируемой записи, одна была напечатана в номере с объявлением Достоевского. В. В. Иванов справедливо указывает, что «фарисейство и лесть повяття не равнозначные». Но акцент в примечании падает не на лесть в статье по адресу епископа Ионафана, а на притворно скромные похвалы одному из авторов, учителю Туманову, которыми кончается отчет о церемонии и обеде (соответствующая выдержка цитируется в комментарии, так что здесь ее повторять нет необходимости). Курить филиппику влиятельному духовному лицу, а в заключение похвалить самого себя и «пожелать, чтобы подобные учителя долгие оставались в училищах <...> дикой Корелии», — это ли не фарисейство (лицемерие, ханжество), какие бы причины ни толкнули писателя на подобный поступок!

С другой стороны, «Воззвание» протоиерея А. Надеждина сыграло бы дурную службу тем, кто проводил сбор пожертвований на часовню, если бы оставляло читателей в убеждении, что блаженный был фарисеем. Ничего, кроме похвалы юродивому, оно не содержало: «Из устных рассказов, переданных современниками блаженного Фаддея и записанных одним из жителей г. Петрозаводска, видно, что блаженный Фаддей был роста среднего, нрава кроткого и смиренномудр; волосы на голове имел седые и кудрявые; лицо круглое и благообразно белое; тело высокое, украшенное морщинами; взор умильный и дальновидный; ум светлый, прощательный; воздержание постническое. Жизнь блаженного была исполнена смиренномудрия, целомудрия и прочих христианских добродетелей...» и т. п. Из этих слов для нас вырисовывается образ фарисея. Но для читателя XIX в. это были привычные пастирические штампы церковной литературы. Прощательный психолог, каким был Достоевский, вряд ли стал бы на их основании судить о личности блаженного Фаддея. Никакими же другими сведениями об этом местном юродивом он, кажется, не располагал. Круг источников, которыми оперирует В. В. Иванов, был ему неизвестен, в том числе церковный вариант предания, записанный Т. В. Баландиным.

Почему же в таком случае рядом в тетради оказалось слово «Предсказание» — самый сильный аргумент моего оппонента? Прежде всего следует обратить внимание на то, что хотя оно действительно вписано на полях вместе с заметкой «Фарисей», к ней оно не принадлежит, т. е. стоит *не в строку с ней*, как напечатано в заметке В. В. Иванова, а в столбик, т. е. как отдельный пункт той намечавшейся на месяц программы (24, 130-131), к которой оно присоединено. Несколькоими страницами ниже (24, 141) после плана «Содержание №» идет фраза, смысл которой раскрыть не удалось, но которая содержит то же слово: «Меня тревожили *погода и медведь* (предсказание)». Хронологически обе записи близки: первая была сделана после 4 февраля (точная дата не устанавливается из-за положения ее на полях, а не в основном ряду), вторая — до 12 февраля (ср. ссылку на «Голос» далее — 24, 143, 438), поэтому, зная привычку Достоевского повторять в тетради обдумываемые темы по несколько раз, эти два пункта вполне правомерно соотнести. Возможна и другая интерпретация: имелась в виду оценка будущего развития политических событий в Европе, получившая затем продолжение в февральской же заметке «Мое предсказание» (24, 148, 439) и мартонском выпуске «Дневника писателя».

Оставаясь убежденным в правильности своего решения, должен, однако, заметить, что если квалифицированный читатель не уловил всей заключенной в примечании аргументации, то доля вины ложится на комментатора. Но дать развернутое обоснование в этом, как и во многих других случаях, не позволял жанр комментария.

В. Д. Рак.

В. С. НЕЧАЕВА

ИЗ ВОСПОМИНИЙ ОБ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ ПЕРВОГО МУЗЕЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

(Общенье с потемками писателя. У истоков позднейших книг
и исследований)

Год моего сближения с литературной жизнью Москвы был отмечен крупнейшей юбилейной датой — столетием со дня рождения Ф. М. Достоевского. В 1924 г. в печати появился ряд статей, сборников, сообщений о посвященных ему заседаниях, общих оценок его значения и творчества. Прозвучала вдохновенная речь А. В. Луначарского «Ф. М. Достоевский как художник и мыслитель», привлекавшая всеобщее внимание и вызвавшая мой восторг. Достоевского я читала еще в последних классах гимназии, а теперь перечитывала с особым вниманием и углублением и в психологию его героев, и в его своеобразный стиль и язык.

В конце 1924 г. я получила приглашение принять участие в кружке молодых литературоведов, организованном Павлом Ни-

китичем Сакулиным, вероятно, из его бывших студентов. Один вечер в неделю он собирал в своей столовой (в квартире в Денежном переулке на Арбате) таких же, как и я, молодых филологов, уже трудившихся над какой-нибудь избранной научной темой. Помню П. А. Маркова, увлекавшегося театральной критикой, В. В. Баранова, изучавшего Полежаева, Д. А. Горбова — поэта, Л. В. Крестову-Голубцову, собиравшую материалы по литературе конца XVIII в., и др. П. Н. Сакулин поставил перед нами задачу взяться за коллективный труд по изучению истории русской журналистики, что, по его мнению, было недоступно ученому-одиночке.

Он с энтузиазмом говорил о значении публицистической деятельности Белинского, Чернышевского, Добролюбова, но напоминал о необходимости знать их окружение и их «соперников». В результате он предложил заняться изучением русской журналистики с 1847 г. — времени начала издания Некрасовым «Современника», времени борьбы за «натуральную школу», полемики со славянофилами, выхода в свет первых произведений Герцена, Голцарова, Достоевского и Тургенева.

Встретив наше полное одобрение, П. Н. Сакулин rozdal нам анкету, в ответах на вопросы которой мы должны были на особых карточках характеризовать исследуемое нами издание: альманах, журнал или газета.

На мою долю достались «Современник» и газета «С.-Петербургские ведомости». Если первый журнал, наиболее изученный специалистами и, конечно, самый значительный для этого года, не мог в ту пору полностью быть мною оценок, то изучение газеты имело огромное значение для всей моей литературоведческой будущности. В начале 1922 г. в газетном зале старого Румянцева музея, листая желтые страницы «С.-Петербургских ведомостей» 1847 г. и тщательно изучая их содержание, я обнаружила фельетоны, которые, кроме многоговорящей подписи «Ф. Д.», самым содержанием и стилем так живо воскресили недавно перечитанные повести Достоевского, что не возникало сомнения в том, что нередко мной были фельетоны молодого Федора Михайловича, фельетоны, до сих пор ищем не обнаруженные. При помощи М. О. Гершензона мне удалось издать осенью того же 1922 г. эти фельетоны отдельной книжкой с моей вступительной статьей.¹ Эта находка и издание вызвали резкое изменение в направлении моих литературоведческих изысканий: в центре стало изучение жизни и творчества молодого Достоевского — автора найденных фельетонов.

К 1924—1922 гг. относятся процессы организации двух крупнейших научных учреждений, где предусматривалось специальное изучение общественных наук, в частности истории русской классической литературы. Они расположились на двух концах

¹ См.: *Достоевский Ф. М.* Петербургская летопись: Четыре статьи 1847 г. (Из неизданных произведений) / С предисл. В. С. Нечаевой. Петербург: Бериш, 1922.